

Большим искушением было бы, обыгрывая название нового сборника, озаглавить свой отзыв «В любую сторону твоей души», чтобы подчеркнуть: не только о географическом разнообразии идет речь (хотя и в самом деле герои его рассказов живут в Америке и на границе с Кореей, в Финляндии и на берегу Черного моря), но не менее важно и разнообразие характеров, ситуаций, столкновений, представленных в новых рассказах. Ну и для того, чтобы подчеркнуть, как широко раскинул автор свои писательские сети, выживая сюжеты, приметы, яркие детали. У Александра прекрасная зрительная память, а кроме того автор тщательно выбирает только самые верные детали, которые помогают расставить точные акценты. Вот, например, вроде бы самый обыденный жест тестя, который пришел навестить зятя (рассказ «Сапог»). Но тесть – человек военный, поэтому он «...выставил на стол коньячную бутылку, как солдата на пост». Одной этой детали было бы достаточно, чтобы мы могли составить представление о характере человека. Или такая фраза: «холодный, перечеркнутый проводами закат» («День палача») – это ведь не столько панорама, что открывается взору героя, это состояние его души.

Но всё же намного точнее будет другое название – «Конец света отменяется».

Во-первых, потому что автор открывает новый сборник рассказом «Приступ», а это означает, что сюжет и характер главного героя – очень важен, задает тон всей книге. Не так уж много событий свершается в жизни бледного, худенького и растерянного мальчика Лёни, чаще всего пребывавшего в состоянии напряженного ожидания беды, которое наводила на него упавшая духом бабушка, но однажды он – как сказочный герой – вдруг собирается с духом и находит в себе силы отменить явление «Гонца Цвета». Эта уверенность маленького героя – есть и уверенность автора: конца света не будет. Пожалуй, этот рассказ четче всего выражает мировоззрение автора. Как бы низко ни падали его герои («Только мы двое»), как бы глубоко они ни погружались на дно жизни, все равно Александр всегда оставляет нам надежду, что они выплывут на поверхность. Даже старенькая, скромная финка Эстери способна вернуть Мартину любовь и веру в деда,

уже тем, что семьдесят лет помнит своего Черного Орла (из одноимённого рассказа) и слышит джазовую мелодию, прозвучавшую во время их встречи.

Хотелось, чтобы заголовок оказался не просто броским, но и отвечал манере повествования, почувствовать которую мне помогла презентация сборника в библиотеке искусств им. А.П. Боголюбова в Москве. Именно в этот вечер рассказ «Танцующий лес» был прочитан вслух. И в этот раз (поскольку не первый день знакома с Александром и, естественно, прочла его предыдущий сборник) я с особенной ясностью услышала особую интонацию писателя.

Вот здесь я позволю себе небольшое отступление. Расскажу про случай, который произошел с одной нашей хорошей знакомой (назовем ее условно Берта Григорьевна), которая в свое время училась оперному пению в городе Одессе и там же собиралась поступать на сцену прославленного театра. Но так получилось, что Берта вышла замуж. Мужа перевели в Москву, что не сулило ничего худого, – театров в столице немало, найдется и ей место. Пришла она пробоваться в Большой театр – что уж мелочиться?! Берту Григорьевну прослушали. Голос у нее был неплохой, да и одесская оперная школа не была в числе отстающих. И тут выяснилась страшная вещь: «Милочка! – воскликнули те, кто был на прослушивании. – У вас сопрано, а вам поставили голос на контральто». Дословно я уже не помню, возможно, и наоборот. Знаю только – случилось непоправимое. То есть поправимое. Надо было переучиваться, заново осваивать все партии, чего Берта в силу семейных обстоятельств уже не могла себе позволить. Так рухнула ее певческая карьера.

К чему это я? К тому, что не всякий писатель сразу обретает свою собственную интонацию, не всякому удастся сразу «поставить голос». А в этом, как мне представляется, и состоит тайна писательского дара или мастерства, называйте как хотите. Если мы можем узнать интонацию автора, если угадываем ее, еще не зная, что это новый рассказ знакомого нам по предыдущим сборникам писателя, – значит, он не просто состоялся. Значит, он поставил голос.

Александр Евсюков ведет повествование ровно, спокойно, не пытается драматизировать, удержать внимание. Но есть в этой уверенной интонации что-то от разговора фокусника с публикой. Мы сразу угадываем, что автор говорит об одном, а нас ожидает что-то другое. И в самом деле, он неожиданно вынимает из цилиндра... живого кролика. Только в рассказе «Танцующий лес» автор «вынул» животное покрупнее. Это был кабан.

Трудный эпизод, прямо скажем. С одной стороны, надо удержать читательское внимание ровно настолько, насколько это требуется, чтобы мы осознали опасность и возможные последствия. А с другой, нельзя такие сцены затягивать. Иначе спадет накал. И вот здесь-то и проявляются знание и понимание писательского мастерства. В такие моменты – наивысшего напряжения – мы понимаем, с кем имеем дело: чувствует

ли автор, когда пора перейти на другой уровень, сделать следующий шаг! И Александр это хорошо понимает.

Не однажды звучали слова о том, что рассказы Евсюкова «словно сцены из жизни»... Есть такое ощущение. А откуда писатель, собственно, черпает сюжеты, как не из жизни? Откуда же еще? Даже те авторы, что искусно создают вымышленные миры, составляют их из примет этой привычной действительности. Александр умеет «видеть» то, что происходит вроде бы у всех на глазах. Но каждый ли способен переработать эту руду?

Могу поделиться наблюдением, как оказалась свидетелем возникновения одного из рассказов, вошедших в новый сборник. Это случилось, когда мы ехали в поезде на литературный фестиваль «Петроглиф», ежегодно проходящий в Карелии. Жена Александра вспомнила по ходу разговора одну вроде бы не очень броскую историю «из жизни». А через какое-то время я прочитала рассказ, в основу которого лег именно этот случай. Но, как вы сами понимаете, это была не просто запись услышанного. Нет ничего беднее, чем дословный пересказ чьей-то истории. Потому что живой рассказ обогащают интонация, мимика, жесты. А если оставить все так, как происходило на самом деле, мы увидим черный графит. Он должен пройти сложную обработку, после которой все грани вспыхнут ярким светом. Рассказ «Пес с ней» – образец того, как писатель превращает одну материю в другую. И какой заголовок! Придумать хороший заголовок – отдельное искусство. Нет, я неверно выразилась – придумать можно многое. Но заголовок должен составлять одно целое с рассказом. Дополнять его, расширять смысл сказанного, поднимать на другую ступень. И Александр это сделал с блеском. Снова он вынул из заветного цилиндра... на этот раз другого зверя – могучего дога.

Многие из нас читали Проппа и знают, насколько по сей день творчество писателя связано с волшебной сказкой. И что животные – волшебные помощники героя – тоже пришли к нам оттуда. Животные, как и полагается в сказках, оказываются рядом в трудную минуту, поддерживают, помогают принять верное решение, осознать, где правда, а где ложь. И нам даже не приходится угадывать, верны ли наши предположения о волшебных сказках и помощниках, потому что в автобиографическом эссе «Сюжет» сам автор признается, что в детстве каждый вечер просил рассказать сказку. Но стоило деду начать своё повествование, как сила воображения мальчика заставляла его хватать вожжи в свои руки и вести рассказ уже в ту сторону, куда увлекал его свободный ум. И по сей день концовки рассказов у Александра всегда непредсказуемы. Из шляпы волшебника он всегда извлекает нечто неожиданное. Но об этом забываешь, читая рассказ, поскольку материя повествования соткана так плотно и плетение настолько органично, что уж если и задумаешься об истоках, то исключительно для того, чтобы воскликнуть: «Ай да Саша!», чтобы отметить, как внешне незаметно, но очень последовательно он продолжает изначально выбранную линию: веру в гармонию мира, что отметила Женя Декина в своей рецензии на первый сборник Евсюкова «Контур легенды». Но в новом сборнике писатель еще

определенное выразил свое представление. И уточнил, в чем его вера. Как правило, она опирается на силу женского духа. Женщины в его рассказах (лишь за редким исключением) оказываются сильнее мужчин. И, как правило, спасают их от окончательного падения. Своей слабостью, своей чистотой, верой, надеждой и любовью, потому что опорой им служит изначальная женская мудрость, подаренная или отпущенная природой. Женщины у Александра, «как целительные иконы» (рассказ «Моя вдова»), – даже когда от самой женщины остается лишь фотокарточка, только смутный облик – лечат и помогают вернуть падшему человеческий облик.

Всю тяжесть этого не очень устроенного и не очень приспособленного для нас мира в рассказах нового сборника принимают на себя именно женщины. И несут за него ответственность тоже они. Так, Александр (осознано или на подсознательном уровне) становится продолжателем давней традиции русской литературы (вспомним «Петра и Февронию», что оставалась настольной книгой в каждой семье много веков): наделять женщину особенным даром. Писатель связывает гармонию надежды, веры и любви с мудростью, изначальной присущей женщине, которая и несет свет миру.

При этом его героини могут быть и неуверенными, и слабыми, и податливыми (как проводница в рассказе «Поезд с юга» или героиня рассказа «Пес с ней»), а иной раз он наделяет их столь неукротимой мощью («Ведьма»), что они способны и дождь проливной обрушить на иссушенную зноем землю, и поднять на ноги умирающего.

Мир спасет женщина – так можно сформулировать послание автора читателям. Даже если спасение-утешение – каким стала встреча бомжа Филина и его бывшей одноклассницы Люды («Только мы двое») – возможно только на очень краткий миг. Сила духа и красота души так велики, что и после смерти женщина способна освещать теплым солнечным лучом жизнь мужчины («Проводы»), – так велика ее способность дарить свет и тепло.

Откуда эта вера? Лирический герой (максимально близкий alter ego автора) в финале эссе «Сюжет» восклицает: «Спасибо родному дому», позволяя нам угадать, как зарождалось это глубинное чувство в детстве, что семена эти брошены его терпеливой и любящей мамой.

Пожалуй, не смогу обойтись без упрека, который смутно зарождался во время чтения нового сборника. А окончательно оформился, когда я дошла до упомянутого выше эссе «Сюжет». В одном из эпизодов автор, делая небольшое отступление, описывает судьбу двух нежно и преданно любящих друг друга девушки и юноши. Но, подчиняясь воле родителей, они создают семью не с тем, кого любят, а с тем, кого властная мать определила в супруги. На мой взгляд, нельзя так щедро «разбрасываться» такими сюжетами... Ведь этот эпизод, как сжатая пружина, – стремится развернуться во всю ширь, освободиться из тесных рамок краткого – мельком написанного эпизода. Он явно требует большего пространства – по крайней мере, повести. Трагическая и в то же время светлая история современных Ромео и Джульетты. Без яда и ножа разрушена их жизнь, разбиты два сердца, но никто – может быть, долгое

время и они сами, не отдает себе в этом отчета. До тех пор, пока взгляд писателя не проникнет в глубины их души. И становится понятно, что часто Александр и в других рассказах слишком сжимает пружину повествования, не позволяет «растечься мыслью по дереву». Размышляя о будущем, автор признается, что он пока на пути за крупной дичью. Но со стороны заметно, что она уже таится в его рассказах. Скажем, «Черный Орел» мог бы стать романом, как и один из первых рассказов «Караим» – тоже таит в себе задатки повести.

«А ты пиши», – советует герою-писателю из рассказа «Сапог» его тесть, отставной военный, потому и наказ его звучит по-военному: «Как за родину в рост из окопа!!!»

Вот так и автору я пожелаю: «Александр, пиши!!! Ты на верном пути за крупной добычей!»

Людмила СИНИЦИНА,
прозаик, фотограф. Москва

